

С тех пор как литературоведение разделило поэзию конца XX века на метареализм и концептуализм, уделом одних авторов стало считаться сближение слова с мифом и «реальность метафоры как метаморфозы» (М. Эпштейн), а вторым оставили иронию, поэтику голых понятий и симулятивность. Но подобное разделение действует только в теории: всякая классификация «хромает на одну ногу», и поэзия талантливого автора опровергает схематические построения.

Вот и в стихах Анастасии Куприк постмодернистское жонглирование концептами прекрасно уживается с богоискательством и конструированием новых миров. В поэтической подборке, опубликованной журналом «После 12», прошедший век словно мерцает, промелькивает среди фраз, и нет здесь места делению культуры на «высокую» и «массовую», нет места снобизму. Здесь не только слышится эхо «военного горна» или является прекрасная Дама. То фрейдистское Сверх-Я заявит о себе, то зазвучит песня группы «Ноль», то обнаружится модная Матрица; то Алиса на мгновение заглянет, то Кастанеда проявится между строк... Героиня Анастасии Куприк пребывает сразу во всех временах и пространствах, включая вымышленные, поэтому путь от Элохима до Горлума, от Чингачгука до Терминатора – преодолим.

Но речь не идёт о тотальном релятивизме. Скорее, о предзаданности рамок реальности и попытках сознания и духа героини вновь и вновь преодолевать их. Не случайны в стихах лейтмотив несвободы и противостоящий ей прорыв:

Вот и молчу.

Из решётки листа – нет исхода.

(«Сплю – и не сплю...»)

**Бунт – вызревает – в мышцах;
Тянется, кожу взрывая, упрямо –
<...>**

Все заграждения рушит.

(«Раненым эхом военного горна...»)

**В темнице духа – быть под
бесконвойкой –**

Хотя бы!

(«Период пустоты. Лишь муха рядом...»)

**Прорывая всем телом –
Кордон ли, заслон ли, осаду ли
Переплетшихся в страстных объятьях**

извилин-лиан.

(«В фиолетовых джунглях...»)

Но пределы – на то и даны, чтобы их протаранить...

(«Мне оставлена память...»)

В первом же стихотворении – «Так тонко происходит по утрам...» – прозрачном и призрачном, с облачными грёзами, деликатностью звуков лирическая героиня присутствует и в быте и бытии. Будничная сценка утреннего прощания двух людей обретает объём благодаря соединению разных образов. Здесь и образы звуковые («тихий метроном», «свист птиц», «стук каблучков»), и тактильные («как воду в речке пробуют ногою»), и визуальность («облака в плену оконных рам»), и даже шестое чувство – чувство «подкожья». Подобное богатство определяет поэтический космос Анастасии как мир сложной чувственности.

В подборку сразу проникает воздух, ветер, пустота. В первом стихотворении «мир выплывает из небытия», он лишь создаётся, и ветер только осваивается – «легкомысленно-сквозной», он «стеснительно танцует у порога», – в следующем тексте вдоль улиц уже ходят «холодные ветры Свободы». К третьему стихотворению мир начинает качаться, а в середине подборки наступает взрыв и воздух идёт волновым фронтом:

Мир – это взрыв. А я – волна взрывная.

Одна из волн. Не более чем так.

(«Период пустоты. Лишь муха рядом...»)

Ясно, что скорость ветра набирает обороты. Душа летит с ним, «задыхаясь и падая». Знаком стремительности и прорыва становится тире, постоянное в поэзии Анастасии. То стремление наружу, что началось с оконных рам, – заканчивается небом, тотальной свободой и блужданием в бескрайнем, распавшемся на молекулы мире в последнем стихотворении подборки:

**Тонкость токов ловить – капиллярных и молекулярных –
Сквозь огромные грохоты гор гробовой тишины, –
Как во льдах голубых безнадежно застрявший полярник,
По эфиру метаться, ища населённой волны.**

**По эфиру... астралу, менталу... и дальше, и выше, –
Только где-то поблизости глушат мою частоту.**

(«Мне оставлена память, и казни не выдумать слаще...»)

Таким образом, подборка из восьми стихотворений имеет свою логику, свою эмоциональную динамику: от создания ощущения напряжённого покоя – к стремительному разгулу стихий, в том числе стихии души. Автор не боится дисгармонии в общей тональности, как не боится и снижения эмоции в каждом отдельном случае. Вернёмся к первому стихотворению. Лирическую картинку пробуждающегося утра обрывает постскрипtum:

**А за квартал отсюда, в кулачок
Зажав десятку, с бычком за ухом,
Спешит, спешит миляга Пятачок
Опохмеляться к другу Винни-Пуху.**

Здесь – трансформация детского сознания во взрослый цинизм, но и возможность охватить внешний мир стереоскопическим взглядом, способность быть внутри и вовне себя. Эта двойная оптика позволяет избежать банальности знакомых тем. Казалось бы, описывается «всё, что обычно в мире происходит»: привычны тема любви, творчества, взмывающей души, памяти... Но они звучат по-новому. Хотя автор, остающийся за кадром, опять же, вполне привычно, беспокоится о состоятельности своего творчества, постоянно проверяет и контролирует героя:

**Узнать себя – в лице, тревогой смятом,
Созданья двадцати неполных лет:
«Скажи, не будет это плагиатом? –
Такая фраза? Ну, скажи, ведь нет?..»
(«Период лишних встреч. Ещё не легче!»)**

И ещё одно, чем дорога поэтическая подборка Анастасии Куприк. Здесь есть «ты». Это состояние непрекращающегося диалога, прямая, непрямая ли обращённость, восклицания в ответ на скрытую реплику, спор и согласие... Автор внимателен к чужому голосу, поэтому лирическая исповедальность обогащается признанием встречной позиции. В стихотворении может быть сколько угодно иронии по поводу Другого:

**И все идут. И все они поэты.
Вон та – от Бога. Этот – от сохи.
Кто – от собачьей жизни, кто – для смеху,
Кто – просто так, а кто – не просто так...**

(«Период лишних встреч. Ещё не легче!»)

Но эта ирония уравновешена сочувствием:

**О, сколько вас, полуночных страдальцев,
Разбросано по спящим городам!
Не плачь. Стихи – как отпечатки пальцев, –
Неповторимы.**

(«Период лишних встреч. Ещё не легче!»)

И вовлечённый в диалог мир отвечает эмпатией. Поэтому после чтения подборки остаётся обнадеживающее чувство, что даже после насмешливого «game over» и «отключенного тока» соединяется с хаотичным, вечно распадающимся и реконструирующимся миром его маленькая корпускула – душа.

Графика Татьяны Николаевой (фрагмент)